

Гурьянов Петр Сергеевич

Guryanov Petr Sergeevich

магистр богословия, настоятель храма в честь иконы Пресвятой Богородицы «Всецарица» г. Димитровграда

Master of Theology, Orthodox priest, The Church of the Holy Mother of God in Dimitrovgrad

АНТИРЕЛИГИОЗНАЯ БОРЬБА БОЛЬШЕВИКОВ В 1920–1930-Е ГГ. ПРИ ПОМОЩИ КИНО

THE ANTI-RELIGIOUS STRUGGLE OF THE BOLSHEVIKS IN THE 1920S–1930S THROUGH THE CINEMA

Аннотация:

В статье описывается агитационно-пропагандистская деятельность большевиков при помощи кино как специфического технического средства «обезбоживания». Антирелигиозные фильмы как составляющая комплексной атеистической работы Союза воинствующих безбожников транслировали сконструированные негативные образы религии, Церкви и духовенства, способствовали разрушению традиционного уклада жизни людей, вытеснению традиционных религиозных верований, замещая их религиозностью большевиков. В статье рассматриваются как содержательный аспект большевистской кинопропаганды, так и формальные приемы красного киноискусства. Кино определяется как особый эстетический режим, в котором происходит то, что немецкий философ Вальтер Беньямин назвал распадом ауры. Большевики использовали этот его потенциал: киноискусство стало не просто инструментом атеистической пропаганды, но атеистическим искусством *par excellence*.

Ключевые слова:

антирелигиозная борьба, кино, Союз воинствующих безбожников, Церковь, религия.

Summary:

The study described the outreach activities of the Bolsheviks through the cinema as a specific technology of the God denunciation. Antireligious films, which were a part of the comprehensive atheistic activities of the League of Militant Atheists, propagandized the trumped-up negative images of religion, the church and the clergy. Anticlerical movies contributed to the destruction of the traditional way of life of people replacing the traditional religious beliefs with the religiosity of the Bolsheviks. The paper considered both the content of the Bolshevik film propaganda and the formal techniques of the red cinema art. The cinema is regarded as a special aesthetic mode that generates the decline of the aura according to the German philosopher Walter Benjamin. The Bolsheviks used this capacity, i.e. the cinema art became not only a tool of atheistic propaganda but also the atheistic art *par excellence*.

Keywords:

anti-religious struggle, cinema, League of Militant Atheists, church, religion.

Вопросу об антирелигиозной борьбе советской власти, гонениях против Церкви в исследовательской литературе уделялось достаточно большое внимание. Как правило, проблема взаимоотношений государства и религии, Церкви в 1920–1930-е гг. включает рассмотрение таких вопросов, как репрессии против духовенства и верующих, законодательство о религиозных объединениях, закрытие храмов, изъятие церковных ценностей, колоколов, святых образов, агитационно-пропагандистская деятельность в общероссийских и региональных масштабах. Эти антирелигиозные мероприятия проводились в условиях становления специфической большевистской религии [1], которая имела как свою догматику, святых, заповеди, так и свою технику осуществления, предполагавшую вытеснение традиционной религиозности и применение техник «обезбоживания» населения (печать, плакаты, кино). В статье антирелигиозная борьба большевиков рассмотрена на примере малоизученной агитационно-пропагандистской деятельности при помощи кино 1920–1930-х гг.

Идея овладения жизнью во всех ее проявлениях, временем и пространством при помощи науки и техники характеризует деятельность большевиков в 1920-е гг., направленную на строительство нового мира. Так, например, овладение временем [2] соотносится с установлением нового летоисчисления, которое начинается с Октябрьской революции 1917 г. – момента, который стал считаться нулевым годом и когда произошло создание нового мира, сотворение мира *ex nihilo* (из ничего). Другим проявлением идеи овладения временем можно считать установление непрерывной недели, являющейся переворачиванием библейского сотворения мира за шесть дней и седьмого дня, когда «Бог почил и объявил, что сотворенное Им хорошо» (Быт. 2:2–3). С 1929 г. рабочая неделя в СССР стала «подвижной» – трудящиеся работали пять дней, а в шестой день отдыхали (такая неделя обозначалась специальным термином – «непрерывка»).

Именно в таком ключе следует рассматривать становление советского кинематографа. Так, широкую известность получили слова В.И. Ленина – «из всех искусств для нас важнейшим является кино» [3, с. 19]. Л.Д. Троцкий в 1923 г. в газете «Правда» призывает овладеть кино:

«Кинематограф развлечет, просветит, поразит воображение образом и освободит от потребности переступить церковный порог. Кинематограф – великий конкурент не только кабака, но и церкви. Вот орудие, которым нам нужно овладеть во что бы то ни стало!» [4, с. 188]. Линию овладения кино поддержал и И.В. Сталин в отчете Центрального комитета на XIII съезде РКП(б) 24 мая 1924 г.: «Кино есть величайшее средство массовой агитации. Задача – взять это дело в свои руки» [5, с. 217].

Таким образом, руководство страны воспринимало кино и как искусство, и как средство агитации. Примерно в то же время немецкий философ Вальтер Беньямин вовсе определил кино как искусство разрушения ауры, т. е. искусство, атеистическое по преимуществу [6].

Рассмотрим агитационно-пропагандистскую роль кино в «безбожной» политике большевиков.

Главным агентом антирелигиозно-пропагандистской деятельности в стране в 1920–1930-е гг. был Союз воинствующих безбожников (СВБ) – массовое общественное атеистическое движение, во главе которого стоял Емельян Ярославский. В первом пункте устава этой организации была изложена непосредственная цель создания СВБ: «Союз воинствующих безбожников есть добровольная пролетарская общественная организация, ставящая своей задачей объединение широких масс трудящихся СССР для активной систематической и последовательной борьбы с религией во всех ее видах и формах как тормозом социалистического строительства и культурной революции» [7, с. 3].

Ярославский был руководителем созданной в 1922 г. при ЦК РКП(б) (затем ВКП(б)) Антирелигиозной комиссии, которая ведала вопросами по проведению отделения Церкви от государства, совместно с ОГПУ контролировала и притесняла религиозные организации, действовавшие на территории СССР. Именно эта комиссия давала указания о закрытии и ликвидации храмов и монастырей. Таким образом, СВБ, созданный по решению ЦК партии, являлся основанием всей атеистической работы партии и советского правительства. В 1929 г. членство в СВБ имели уже около полумиллиона граждан страны – с учетом того, что участие в работе этого союза было практически вменено в обязанность членам партии и комсомольцам; в 1930 г. – 2 млн человек, на 1 января 1931 г. – 3,5 млн, на 1 мая 1931 г. – уже 5 млн чел. [8, с. 273]. Членами СВБ могли быть дети с 14-летнего возраста.

По инициативе Е. Ярославского Антирелигиозная комиссия при ЦК ВКП(б) и Союз воинствующих безбожников объявили начавшуюся с 1932 г. так называемую «безбожную пятилетку». Согласно планам этой пятилетки, в 1937 г. религии в СССР больше не должно было существовать. За выполнение плана «безбожной пятилетки» в стране взялись с усердием и тщательностью. Активно продолжали закрывать церкви, духовенство облагалось огромными налогами. Любой донос на священника в вышестоящие органы или в отдел НКВД, с которым тесно сотрудничали воинствующие безбожники, становился причиной возбуждения уголовного дела и взятия «служителя культа» под стражу.

Именно от активности СВБ зависело распространение антирелигиозных фильмов в стране, особенно в сельской местности. «Там, где нет ячейки СВБ, следует организовать ее, ибо главным образом она (ячейка) должна заниматься культоткружением демонстрирования, предварительной подготовкой и пр.» [9, с. 5] – встречаем в руководстве по организации антирелигиозных фильмов. Для демонстрации в деревне антирелигиозных фильмов создавались специальные «антирелигиозные кинопередвижки» при непосредственном участии окружных и районных советов воинствующих безбожников, в ведении которых было «руководство политической и идеологической сторонами работы» [10, с. 49].

Кинопоказы происходили при участии лектора-агитатора, который не только объяснял, как смотреть кино, но и расставлял правильные смысловые акценты в его восприятии в соответствии с идеологической и политической обстановкой в стране. Широкое распространение получили руководства для киноагитаторов, регламентировавшие их действия с момента прибытия в клуб, деревню или на завод и до отъезда. В одном из таких руководств лектору предлагается не только «сделать выводы из картины», но и «исправить ее недочеты, дополнить содержание» таким образом, чтобы обеспечить «совпадение словесного материала с экранном образом» [11, с. 11]. Вместе с тем лектору рекомендовалось учитывать уровень аудитории и в лекции или комментировании при показе фильма использовать близкие к теме эпитеты, пословицы, зачитывать антирелигиозные рассказы и стихи, исполнять частушки. Таким образом, фильм становился тем основанием, на котором выстраивалась агитационно-просветительская работа, предполагающая возможность его исправления, дополнения и корректировки.

Также для большей эффективности агитационной работы кинопоказ мог сопровождаться викторинами, вечерами вопросов и ответов или инсценировкой суда над картиной, участники которого избирались из числа публики, организацией диспута. Важной составляющей «культоткружения» кинокартины являлась выставка, которую следовало организовать в помещении вблизи

зрительного зала за несколько дней до кинопоказа. Она могла состоять из документов, афиш и кадров из картин, пропагандистских плакатов и лозунгов, фотомонтажей и т. п.

Кратко рассмотрим основные антирелигиозные фильмы, используемые в агитационной работе, а также смысловую матрицу восприятия, задаваемую лекторами-агитаторами.

Лихоимство, жадность, лицемерие, разврат священнослужителей – попов, монахов изображались в фильмах «За монастырской стеной» (1928), «Овод» (1928), «Старец Василий Грязнов» (1924) [12, с. 25–26]. Противодействие духовенства революционному движению в императорской России, «одурачивание» эксплуатируемых масс имущими классами и Церковь становится основой сюжета в фильмах «Кровавое воскресенье» («Девятое января») (1925), «Его превосходительство» (1927). Борьба религии и ее последователей с материалистической наукой изображается в картине «Саламандра» (1928). «Контрреволюционная» деятельность духовенства, а также изображение Церкви как «оплота контрреволюции и мракобесия» является основной темой в фильмах «Падение династии Романовых» (1927), «Крест и маузер» (1925), «Пропащие сокровища» (1924). Разоблачению «мошеннического использования темноты и суеверия для своих корыстных целей» Церковь и духовенством посвящены кинокартины «Опиум» (1929) и «За урожай» (1924) (в последней «фанатизму» крестьян в борьбе с засухой противопоставлен коллективный организованный труд). О «порабощении» религией женщины, ее стремлении освободиться от религии повествуют фильмы «Бабы рязанские» (1927), «Бабий лог» (1925), «Зарэ» (1927), «Третья жена муллы» (1928). О деятельности Православной церкви в годы войны, о том, как она «оправдывала и благословляла» Первую мировую войну, рассказывает фильм «Бог войны» («Белый всадник») (1929). О сектантах, «их лицемерии и сетях, которые они раскидывают», свидетельствуют фильмы: «Бегствующий остров» (1929), «Сектанты» (1929), «О купце, нынче братце во Христе» (1930) [13, с. 23–24].

В антирелигиозном плане также использовались «антиалкогольные» фильмы («Алкоголь, труд и здоровье» (1926), «За ваше здоровье» (1929)), поскольку употребление алкоголя связывалось с отпращиванием некоторых религиозных обрядов и церковными праздниками.

В агитационной работе кроме фильмов с четко выраженным антицерковным и антирелигиозным пафосом также использовались картины научно-популярного характера («Жизнь и устройство человеческого тела», «Загадка жизни», «Механика головного мозга», «Гроза», «Небо и земля», «Омоложение», «Операция доктора Воронова»). Так, при просмотре фильма «Гроза» лектору рекомендовалось разоблачить веру в Илью-пророка, рассматривая явления атмосферного электричества и ссылаясь на статистику сгоревших от молнии храмов [14, с. 26].

При демонстрации антирелигиозных фильмов следовало акцентировать внимание посредством плакатов, вставленных в картину лозунгов, реплик на следующих чертах сконструированного образа духовенства и Церкви: религия существует за счет обмана населения; духовенство – это в основном пьяницы и развратники, которые стремятся к обогащению; религиозные организации являются опорой классового врага – буржуазии; Церковь занимается антиколхозной (кулацкой) агитацией, уничтожение кулака ускорит исчезновение религии; она также выступает против индустриализации, одним словом, является тормозом общественного развития; религия поддерживает войны и лицемерно говорит о мире; религиозные праздники препятствуют выполнению хозяйственных планов; религия опирается на суеверных женщин, лишая их свободы, а религиозно настроенная женщина поддерживает консервативный бытовой уклад, противодействует рационализации производства, обобществлению сельского хозяйства, культурным мероприятиям и т. п. [15].

Таким образом, демонстрация антирелигиозного фильма в совокупности со словесной интерпретацией лектора-агитатора создавала сильный по воздействию на массы образ Церкви, духовенства и религии как главного врага нового социалистического общества, способствуя «обезбоживанию» сознания людей.

Негативный образ религии также складывался при помощи специфического киноязыка. Так, в 1935 г. режиссер Я. Протазанов создал звуковую версию фильма «Праздник святого Йоргена» (в немом варианте фильм выпущен в 1930 г.). Фабула этой авантюрной комедии выстраивается вокруг обмана и его развенчания, позволяя зрителю почувствовать себя обманутым. Ранее уже говорилось об обмане и мошенничестве как «атрибутах» насаждаемого образа религии. Так и в «Празднике святого Йоргена» разоблачению обмана религии отведено основное место на примере сатирического изображения производства «лживого» религиозного кино.

В начале фильма мы видим, как ангел спасает святого, привязанного к кресту. Декорации, грим, игра актеров обнаруживают стиль раннего кинематографа. Однако сцена чуда является эпизодом другого фильма о религии, который снимается в кадре. Это становится понятным, когда в кадр попадают сначала оператор и режиссер, а затем и вся съемочная группа.

Подозрения в обмане возникают с самого начала просмотра – это и сама стилизация, и религиозное содержание кадра, и редкое для раннего кино движение камеры, что создает контраст, указывающий на условность предшествующих кадров.

Использование звука также расширило возможности взаимодействия с аудиторией. Начало фильма сопровождается религиозным пением, которое затем сменяется джазовым номером, создавая эффект неожиданности, контраста, разоблачения двух музыкальных стилей.

Более того, звуковой ряд (содержание рассказа священника) не совпадает с происходящим на экране. Таким образом, несоответствие между звуком и изображением также вносит разлад и несоответствие в восприятие картины. Появляется не только комический эффект, но и загадка – что является правдой, а что ложью. Поиск разгадки затрудняется, поскольку доверие к киноизображению подрывается. Так, в кадре, где рыбаки созерцают идущего по воде святого, появляются дачники. В святом тут же обнаруживается разъяренный актер, а с дачниками начинает разбираться появившийся в кадре режиссер [16].

Следует учитывать, что антирелигиозная пропаганда посредством кино проводилась в условиях, когда большая часть аудитории была неграмотной и незнакомой с киноязыком. Поэтому требовались дополнительные практики, способствовавшие усилению эффективности агитационной работы, – выступления лекторов-агитаторов, выставки в антирелигиозных музеях, плакаты, использование различных документов, диспуты и т. д.

Качественно организованная работа СВБ и кинопередвижек приводила к важным результатам. В официальной печати можно обнаружить следующие отзывы. Так, один рабочий после просмотра фильма «Иуда» заявил, что фильм «не агитирует, а убеждает». В резолюции рабочих завода «Серп и молот», просмотревших фильм «Бегствующий остров», читаем: «...эта картина полезна и интересна для рабочего и крестьянского зрителя. В фильме взята правильная линия показа отживающих религиозных верований» [17, с. 17]. Н.Я. Шагурин сообщает о «блестящих» результатах работы антирелигиозной кинопередвижки Московского областного совета СВБ за зимний сезон 1929/30 г. Так, в одном из посещенных мест – селе Елатьма Рязанского округа, в котором было семь церквей, – после собрания жителей и двухчасового доклада лектора Московского совета безбожников Пугачева «под гром аплодисментов единогласно принимается постановление о закрытии пяти церквей (в том числе и собора – оплота бывших лабазников и контрреволюционной своры) и передаче их под клубы и склады» [18, с. 14].

Тем не менее постепенно деятельность СВБ ослабевала, есть основания полагать, что и агитационно-просветительская работа при помощи кино также уменьшила свои масштабы. Так, в Постановлении бюро Куйбышевского областного комитета ВКП(б) от 5 сентября 1938 г. говорится, что «работа по выращиванию и подготовке пропагандистских кадров поставлена слабо. Рост ячеек СВБ отсутствует, а рост членов союза совершенно незначительный. <...> Клубы, избы-читальни в своих планах работы не предусматривали и не организовывали лекций, бесед, громких читок по антирелигиозным вопросам. Областная и районная печать слабо освещают на страницах газет вопросы антирелигиозной работы. Областные и местные профсоюзные организации совершенно самоустранились от антирелигиозной работы, ограничив ее случайными лекциями...» [19].

Тем не менее следует признать, что деятельность СВБ, включая работу с антирелигиозным кино, оказала значительное влияние на разрушение религиозного мировоззрения. Заметная часть населения, особенно молодое поколение, заменила в своем сознании религиозные представления на коммунистические [20, с. 189]. Несмотря на высокий уровень сохранения веры в стране и регионе, результаты атеистической политики государства довольно впечатляющие. По результатам переписи населения, в 1937 г. «в СССР верующих среди лиц в возрасте 16 лет и старше оказалось больше, чем неверующих: 55,3 млн против 42,2 млн, или 56,7 % против 43,3 % от всех выразивших свое отношение к религии» [21, с. 107]. 42,2 млн неверующих (43,3 % взрослого населения) – это высокий результат проделанной работы. Разумеется, среди 43,3 % неверующих в СССР были те, кто из страха за свою жизнь вынужден был назвать себя атеистом.

Ссылки:

1. Рыклин М. Коммунизм как религия: интеллектуалы и Октябрьская революция. М., 2009. 136 с.
2. Муравьев В.Н. Овладение временем. Избранные философские и публицистические произведения. М., 1998. 320 с.
3. Болтянский Г.М. Ленин и кино. М.; Л., 1925. 88 с.
4. Троцкий Л. Водка, церковь и кинематограф // Киноведческие записки. 2000. № 45. С. 184–188.
5. Сталин И.В. Полное собрание сочинений. Т. 6. М., 1947. 438 с.
6. Benjamin W. Das Kunstwerk im Zeitalter seiner technischen Reproduzierbarkeit. Frankfurt am Main, 1963.
7. Устав Союза воинствующих безбожников. М., 1930. 31 с.
8. Русская православная церковь и коммунистическое государство. 1917–1941. Документы и фотоматериалы / сост. О.Ю. Васильева. М., 1996. 352 с.

9. Полтевский А.Н. Антирелигиозная фильма. М., 1930. 32 с.
10. Шагурин Н.Я. Безбожное кино в деревне. М., 1930. 80 с.
11. Полтевский А.Н. Указ. соч. С. 11.
12. Там же. С. 25–26.
13. Там же. С. 23–24.
14. Шагурин Н.Я. Указ. соч. С. 26.
15. Полтевский А.Н. Указ. соч.
16. Шерстнев Г. Обличение приема: к прагматике звукового антирелигиозного фильма [Электронный ресурс] // Новое литературное обозрение. 2016. № 2 (138). URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2016/2/oblichenie-priema-k-pragmatike-zvukovogo-antireligioznogo-filma.html> (дата обращения: 15.06.2018).
17. Фильмы против Бога // Безбожник. 1930. № 3. 20 с.
18. Шагурин Н.Я. Указ. соч. С. 14.
19. ГАНИ УО (Гос. арх. новейшей ист. Ульянов. обл.). Ф. 25. Оп. 1. Д. 86. Л. 74–76.
20. Яковлева Ж.В. Антирелигиозная кампания в Саратовском Поволжье (конец 1920-х – начало 1940-х гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2017. 266 с.
21. Жиromская В.Б. Религиозность народа в 1937 г.: по материалам Всесоюзной переписи населения // Исторический вестник. 2000. № 1 (5). С. 107.

References:

- Benjamin, W 1963, *Das Kunstwerk im Zeitalter seiner technischen Reproduzierbarkeit*, Frankfurt am Main, (in German).
- Boltyansky, GM 1925, *Lenin and the cinema*, Moscow, Leningrad, 88 p., (in Russian).
- Charter of the League of Militant Atheists* 1930, Moscow, 31 p., (in Russian).
- 'Films against God' 1930, *Bezbozhnik*, no. 3, 20 p., (in Russian).
- Muravyev, VN 1998, *Mastering time. Selected philosophical and journalistic works*, Moscow, 320 p., (in Russian).
- Poltevesky, AN 1930, *An anti-religious film*, Moscow, 32 p., (in Russian).
- Ryklin, M 2009, *Communism as a religion: intellectuals and the October Revolution*, Moscow, 136 p., (in Russian).
- Shagurin, NYa 1930, *Godless cinema in a village*, Moscow, 80 p., (in Russian).
- Sherstnev, G 2016, 'Revealing the approach: concerning the pragmatics of a sound anti-religious film', *Novoye literaturnoye obozreniye*, no. 2 (138), viewed 15 June 2018, <<http://magazines.russ.ru/nlo/2016/2/oblichenie-priema-k-pragmatike-zvukovogo-antireligioznogo-filma.html>>, (in Russian).
- Stalin, IV 1947, *Complete works*, vol. 6, Moscow, 438 p., (in Russian).
- Trotsky, L 2000, 'Vodka, church and cinematography', *Kinovedcheskie zapiski*, no. 45, pp. 184-188, (in Russian).
- Vasilyeva, OYu (comp.) 1996, *The Russian Orthodox Church and the communist state. 1917-1941. Documents and photo materials*, Moscow, 352 p., (in Russian).
- Yakovleva, ZhV 2017, *Anti-religious campaign in the Saratov Volga region (in the late 1920s – early 1940s)*, PhD thesis, Saratov, 266 p., (in Russian).
- Zhiromskaya, VB 2000, 'Religiosity of the people in 1937: based on the All-Union Population Census', *Istoricheskiy vestnik*, no. 1 (5), p. 107, (in Russian).